

Сейчас не вспомню точно, в каком именно томе и за какой год сабанеевского журнала «Природа и охота» я прочел рассказ о псковских следопытах. Суть его в том, что компания дворян-охотников, проблтавшись по угодьям где-то под Псковом безо всякой пользы, решила воспользоваться услугами знаменитых псковских следопытов, которых можно было найти чуть не в каждой деревне. И с их помощью, казалось бы, в пустых угодьях были обнаружены и добыты звери. Вот, оказывается, какими умельцами были некогда псковичи. Меня всегда впечатляло такое умение читать следы. И хочется сказать об этом несколько слов.

Следопыт не может не вызывать уважения у прочих охотников, как не может не вызывать уважения у безграмотных людей грамотей. Умение «пытать» следы – то же самое, что человеку с абсолютным слухом слышать каждый инструмент оркестра, тогда как большинству до-

Если говорить в общем, то на охоте умение читать следы оказывается необычайно востребовано как при поиске и скрадывании зверя, так и при доборе подранка. В России, к сожалению, нет таких школ, где бы обучали подобному умению. Поэтому все приходится постигать постепенно, по крупицам, с годами, и хорошо, если рядом окажется кто-то, кто имеет хотя бы некоторый опыт.

Как правильно идти по следу? Будь то зимой, которая обычно наиболее благоприятна для этого (хотя и зимой далеко не всегда условия оказываются одинаково благоприятными для чтения следов, например, в метель или при рыхлом снеге, когда он осыпается на следе), либо осенью, когда влажная земля и опавшая листва позволяют читать

Леонид
ПАЛЬКО

Следопыты

Из новой книги «С охотой по жизни»

чуть» они идут, не сбиваясь на следы других животных, и могут обнаружить след подранка даже среди следов, оставленных стадом.

Меня всегда удивляла их способность по нескольким каплям крови определять степень и место ранения. Вот стреляешь и видишь, что попал, а животное ушло подранком. Но куда попал – вопрос! Насколько сильно ранение – вопрос! А они, осмотрев место стрела, заявляют: животное ранено в правую ногу выше колена, и пуля прошла навылет. Вот как они это определяют?!

Мне известен ряд приемов, позволяющих судить об особенностях ранения по крови, оставленной подранком на земле или растениях. Если в крови есть непереваренные, зеленые фрагменты растений, это значит, что выстрел пришел по кишечнику. Светлые маленькие капли – скорее всего, было ранено легкое. Если крови много, и она темная и густая, то было попадание в вену, если светлая – в артерию. Если кровь с двух сторон от следа – ранение сквозное. Если крови постепенно становится больше, а животное избегает преодолевать препятствия, то ранение в мышечную ткань.

Тракеры обязательно смотрят, с какой стороны подранок мажет кровью кусты, траву, на какой высоте, и анализ этой информации позволяет им определить место и степень ранения.

Говорят, что африканские тракеры такие умелые потому, что они думают, как животные. Условно говоря, они становятся на место раненого леопарда или буйвола и начинают решать, что делать дальше, куда идти.

Как определить направление, по которому ушел зверь сразу после выстрела? После ранения он оставляет так называемый «след старта» – срывает когтями или копытами землю, ломает ветки кустов и так далее. Мы зимой или осенью при охоте на копытных смотрим стрижку – срезанную пулей щетину.

Однажды в Африке «пизйч» сказал с особой гордостью, что на него работают тракеры племени моруа. У людей этого племени, кстати, «паспорт» – на лице. Это специально нанесенные шрамы, определяющие их родовую принадлежность. Факт любопытный, но я не о том. Тракеров такого уровня я больше не видел никогда и нигде! Мне даже стало казаться, что они могут обнаружить след птицы в воздухе.

Мы тогда охотились на гигантского иланда Дерби, которого мне и так очень хотелось добыть, а к тому же охоту на него, судя по всему, скоро закроют, так как эти антилоп становится все меньше и меньше. Шел уже седьмой день охоты, а мы все никак не могли выйти на крупного иланда. И вдруг наткнулись на следы. Мне показалось, что они недельной давности, но тракеры сказали, что эти следы оставлены вчера. И мы пошли по следу. Шли семь часов! И в конце концов вышли на этого иланда, и я взял его.

Вот как они смогли идти по следу, который на сухой земле попросту не виден (по крайней мере мне так казалось)?!

Откуда у них такое умение? Анатолий Можаров в Зимбабве разговаривал подробно на эту тему с «пизйчем» Брином Джолифом (позже в журнале «Сафари» это интервью было опубликовано, и на него, кстати, ссылается в самом начале своей книги «Охота с Сергеем Ястржембским» ее автор – Сергей Ястржембский). И Брин рассказал, что африканские дети сизмалства приучены находить в буше и загонять на ночь в корал коров и коз, которые пасутся весь день самостоятельно. Те, что постарше, учат самых маленьких по следам отличать своих животных от чужих. Так что к юношескому возрасту эти дети буша становятся многоопытными следопытами, для которых почва буша, покрытая лесным мусором, является на самом деле весьма информативной энциклопедией.

Только что это я все про африканских тракеров? Вот охотился я в Вологодской области на медведя, и он ушел подранком. Мы преследовали его километра два – до ручья. Там через него лежала сушина, и зверь по ней перебрался на другую сторону. Егерь сразу сказал, что преследовать бессмысленно – если он перешел, то ранение далеко не смертельное, он уже не идет напролом, куда глаза глядят, а принимает решения, движется туда, где ему удастся отлежаться. Рана у него скоро затянется, и обнаружить его уже не представляется возможным – дальше преследовать бессмысленно. Честно сказать, удивило такое знание повадок раненого зверя.

В Новгородской области охотились на медведя с товарищем, Алексеем Дмитриевичем. И он сделал подранка. Шли по следу и обнаружили погрыз на дереве. Товарищ сразу сказал, что ранение серьезное, задет позвоночник и нужно просто подождать, когда медведь дойдет. На следующее утро мы его и впрямь нашли уже дошедшего, и ранение было в заднюю часть позвоночника.

В другой раз охотились с ним же, я стрелял, и тоже медведь ушел. Довольно быстро обнаружили с собаками лежку, товарищ потрогал ее ладонью и сказал, что лежка теплая, то есть свежая. Это я значит, что поскольку медведь сразу лег, он не жилец. Действительно, утром подъехали к месту охоты и метров через двести от вчерашней лежки нашли дошедшего медведя.

В другой раз мы с Алексеем Дмитриевичем ранили кабана и пошли по следу, но скоро потеряли, поскольку крови не было, а земля была засыпана листвой, и следы в мягкой почве не отпечатывались. То есть потерял-то след я и был уверен в том, что и мой товарищ тоже его потерял, но делает вид, что ведет меня по следу. Я решил проявить такт и молча шел за ним. В конце концов мы добрались до речушки.

И тут Алексей Дмитриевич показал мне и след на береговой влажной земле, и кровь. Я был поражен – полтора километра он шел по каким-то неведомым мне следам! По каким? Оказалось, что он смотрел на перевернутые и потревоженные копытами кабана листья. Он все видел, а я не видел ничего! Я понимаю, что его выручает и знание местности – ему известно, куда пойдет кабан, где тут какие переходы и так далее. Но все равно досадно!

Я всегда смотрю, кто из людей встает на след и ведет остальных за собой. Эти следопыты не могут не вызывать восхищения, они сразу становятся в безвыходной для многих ситуации лидерами.

И мне очень жаль, что у нас в России нет такой школы, которая учила бы людей читать следы. Если кто-то что-то и умеет, то узнает это с опытом, со временем. А начинающим охотникам было бы полезно с самого начала освоить хотя бы азы этого дела. Иначе случаются даже такие казусы – на одной из загонных охот начинающий охотник совершенно серьезно принял след зайца за следы лося и чуть не сорвал загон.

Своим посильным вкладом в дело следопытства я считаю издание нашим издательством «Вече» объемного справочника-определителя прекрасного художника-иллюстратора и натуралиста Вадима Гудкова «Следы зверей и птиц».

ступня лишь общая мелодия. Другими словами, следопыт читает лес, как книгу, в которой много интересного и важного для охотника. А те, кто не умеют читать, вынуждены полностью полагаться на чужой опыт и навыки. Думаю, многие помнят, как Арсеньев описывал способности Дерсу Узала, который, согласившись быть проводником отряда, сразу уверенно повел людей нужной дорогой и поразил их умением видеть то, что другие замечать не были обучены.

следы. Ни в коем случае нельзя идти по самому следу, который проложил зверь. Нужно идти рядом с ним, не затапывая. Это первое правило.

Нужно уметь определить вид животного, оставившего след, его возраст – в небольшой статье этого не удастся изложить, как невозможно кратко рассказать об определении свежести следа – этому посвящены книги. Но любого можно легко научить определять по следу направление, в котором двигался зверь. Извлекая ногу из снега или грязи,

Сергей
ТРАХИМЁНОК

Капля в океане победы

Рассказ

Искаженному восприятию тех эпохальных событий способствовали и субъективные факторы. Общественно-государственная система, созданная кровью и лишениями советских людей, обеспечила во второй половине двадцатого века отисительно безопасное существование двум советским поколениям.

Но за все на этой земле необходимо платить, и верно отметил Александр Зиновьев, что «достоинство того времени – это диалектическое продолжение его недостатков». Два поколения людей выросли, как говорят методологи безопасности, в условиях сверхзащитности государства, попросту в небывалом для данного пространства социально-политическом комфорте, и это сыграло роковую роль в формировании идеалистических взглядов на общество, социальную и культурологическую конкуренцию. Войны, революции, национальная и расовая вражда для элиты этих поколений были «пережитками прошлого, которые никогда не вернутся в наше цивилизованное общество».

В фокусе этих представлений и сформированных на их основе интересов, абсолютно не соответствующих «правде данного геополитического пространства», рано или поздно к руководству страной должен был придти типичный представитель первого благополучного послевоенного поколения. И он пришел, став первым и последним президентом СССР...

Сегодня мы можем констатировать, что самая кровопролитная война прошлого века стала историческим прошлым. Однако, именно сейчас, пока это прошлое еще не такое далекое, у нас есть уникальная возможность, отказавшись от идеализации и лакировки многих событий войны в восьмидесятых годах, а также шельмования и дискредитации побед и заслуг ее участников в «перестройку», осмыслить и адекватно, в рамках ценностных ориентиров культуры, которая позволила нам выжить и победить во многих войнах, отразить в различных формах все, что происходило тогда, отталкиваясь не столько от доктрин и концепций «тоталитаризма» и «демократии», сколько от судеб людей – капель, из которых и слепался океан той Победы.

И чем объективней будет сделано это на всех уровнях – системном и элементарном, тем точнее будет зафиксировано историческое прошлое – основа не только правильной оценки различных ситуаций в настоящем, но и выживания народов и их государств в будущем.

Однако, все это рассуждения ученого и писателя, а с позиций просто человека я хотел бы еще раз отдать должное своему поколению и дань памяти тебе – мой отец.

Когда началась война, «ты был уже взрослым человеком» – тебе исполнилось шестнадцать и ты поступал учиться в ФЗУ города Бийска.

За твоей спиной была обычная жизнь старшего ребенка в многодетной семье без особой романтики и каких-либо из ряда вон выходящих событий, если не считать, что в одном из школьных походов ты нашел хорошо сохранившийся обломок бивня мамонта, из которого твой отец изготовил ручку к колесу швейной машинки. Да пожалуй то путешествие на юг, которое ты совершил в двенадцать лет.

Так много лет назад, когда только-только начинал "пробовать перо" я пытался начать очерк о тебе. Потом, уже став профессиональным писателем и имея в своем активе несколько книг прозы, я делал еще несколько попыток, но каждый раз откладывал текст, понимая, что в нем так и не появилось то, что делает публицистическую вещь завершенной.

И даже в конце восьмидесятых, когда реформаторы всех мастей стали бить военное поколение за то, что оно «не на той стороне воевало», и у меня, как реакция защиты твоих сверстников, сами собой появились рассказы – «эхо войны», попытки закончить начатое так ни к чему и не привели. То ли время тогда еще не пришло, то ли, в отличие от других героев моих рассказов и очерков, я знал о тебе не отдельные штрихи, которые обычно служат толчком к созданию образа, а гораздо больше, причем настолько, что возникло вполне естественное явление аберрации.

То путешествие не было бегством из дому. Юг – мечта каждого маленького сибиряка – «там все время лето». Рассказы об этой теплой и благодатной стороне зажигают сердца сверстников, как рассказы о море смущают души мальчишек сухопутных краев и толкают на неординарные поступки.

Дело было в конце февраля и ты, «тепло одевшись» – пальтишко без воротника, на ногах валенки, за пазухой харчишки – «уехал в Алма-Ату».

На платформах товарных вагонов и в собачьих ящиках вагонов пассажирских, непременно атрибуте пассажирских составов того времени, нам, родившимся во второй половине двадцатого века, не знакомом, ты за пять суток добрался-таки до цели.

Город тебе не понравился, может быть потому, что на улицах стояли лужи, в твоих валенках хлюпала вода, а милиционеры мгновенно выделяли в толпе странно одетого мальчишку...

«Разочаровавшись в юге» ты вернулся домой, в рабочий поселок Карасук и продолжил учиться в школе, чтобы стать токарем, почему в сорок первом и уехал в Бийск.

Война все перестроила на свой лад. ФЗУ, в котором ты постигал премудрости обработки металлов резанием, передала в распоряжение наркомата обороны – увеличили число «фабзайцев», сократили сроки обучения и через несколько месяцев ты уже стоял перед распределительной комиссией одного из военных заводов Барнаула.

Природо наделила тебя и силой, и ростом, и решение комиссии было категоричным – «в кузнечный, там дефицит молотобойцев».

Так ты, «дипломмированный токарь» стал работать со взрослыми мужиками в кузнечном. И там все было как у всех: полная слуховая адаптация к стуку стали о поковки, и в конце

смены сведенные судорогой пальцы, державшие молот по двенадцать часов.

Призывной повестки ты не получал. В ноябре сорок второго тебя просто вызвали в отдел кадров завода и сообщили, что завтра ты должен убыть в военкомат. После смены ты не пошел в общежитие, а завалился спать в подсобке, чтобы не опоздать к сроку на призывной пункт. Проснувшись утром, ты не обнаружил своих башмаков с деревянной подошвой. Времени на поиск похитителя не было, и ты пошел на службу босиком. Ноябрь – месяц в Сибири зимний, на улицах лежал снег, и чтобы погреться ты заскочил в какую-то котельную. Здесь коچهгары изматерили твоих начальников и нашли тебе старые тапочки, которые ты привязал шпагатом к ногам и пошел защищать Родину.

Но на фронт ты попал не сразу. В сорок втором уже действовала отработанная система комплектования вооруженных сил: сибирские новобранцы перемещались на Дальний Восток, где одновременно проходили обучение и служили сдерживающим фактором для Квантунской армии. В бухте Славянка в бригаде морской пехоты, где тридцать лет спустя будет служить твой младший сын, ты начал осваивать премудрости уже военной службы. Осень сорок третьего бригада была поднята по тревоге, погрузилась в теплушки и двинулась через всю страну на Запад. И всем в том составе казалось, что через несколько дней их ждет фронт, но на станции Хребет эшелон врезался во встречный эшелон с тракторами. Была ночь, от столкновения оторвались железные печи в вагонах, заклинило двери и состав со спящими людьми вспыхнул как свечка.

Однако судьба в тот раз была благосклонна к тебе. Твою теплушку от удара переломила пополам и ты сам не понял, как оказался выброшенным в снег, не получив даже царапины.

От бригады в живых осталось несколько человек. Не долго думая и не спрашивая их согласия, всех направили в саперную школу. И еще три месяца учебы в школе и плюс три месяца службы там же в качестве инструктора, несколько перебросок по железной дороге – и только тогда ты в составе отдельной саперной роты оказываешься на фронте.

В первый день пребывания там, тебе «как опытному сержанту» приказывают отвести роту в деревеньку в двух километрах от штаба полка. Что может быть проще, ведь ты делал это неоднократно в саперной школе. Ты построил роту, проверил наличие личного состава и повел ее в означенную деревеньку.

Проселок не плац, но рота шла в ногу, без растяжек, и ни у тебя, ни у ведомых тобой не возникло мысли, что рядом с передним краем строем не ходят и подобные перемещения целесобразней осуществлять мелкими группами и чаще всего ночью.

Но и здесь тебе повезло. Разумеется, вы попали под обстрел. Однако, то ли противник не ожидал от вас такого безрассудства, то ли занят был чем-то другим, то ли спохватился поздно, и до деревеньки личный состав роты добрался уже как то, как, но, тем не менее, никто не пострадал. И все почему-то отнесли это к твоей легкой руке.

А дальше началась работа помкомвзвода саперов – разминирование чужих мин и установка своих, ночные рейды через минное поле. А поскольку дело это ответственное, разведчики предпочитали, чтобы проходы им делали саперные командиры. И ты много раз ползал по минным полям впереди разведгруппы, надеясь, что судьба обережет тебя от при-

цельной пули спереди и случайной зади. В теории этот процесс выглядел просто – сапер с миноискателем ползет первым, находит и разминирует мины. Но практически миноискатель не реагирует на мины в деревянных корпусах, не дает сигнала на нематаллические приводы к взрывателям. Поэтому и летом, и зимой единственным орудием были руки, опыт и везучесть. Ощупал руками влево-вправо расстояние метр с небольшим, чуть продвинулся вперед и снова то же самое. Нашел мину – разминировать некогда – отодвинул с пути, если возможно, если нет – пометил березовой вешкой, которую хорошо видно ночью, и двигаешься дальше.

Вскоре ты уже исполнял обязанности командира взвода, но особенно вникая в поговорку, что сапер – будь то солдат или офицер – все также ошибается один раз в жизни, и конечно не зная статистики, согласно которой время пребывания на должности командира взвода в действующей армии является самым непродолжительным.

Готовилась операция по освобождению Белоруссии. Твои бойцы рубили деревья, вязали плотики, проверяли ночью глубину реки, сбивали козлы и подтаскивали к реке.

Следующей ночью была дана команда на установку, в процессе которой выяснилось, что плотиков меньше, чем нужно, козлы не соответствуют глубине реки, а плавать умеешь ты один. Но... приказ был выполнен, и ты с остатками взвода был назначен комендантом четырех таких переправ через реку Проню. В задачу комендантского подразделения как обычно входило наблюдение за состоянием переправ и восстановление их в случае повреждения противником.

А потом были водяные столбы от взрывов снарядов, щепки от разбитых плотиков и восстановление двух переправ, по которым пехота сумела пройти на вражеский берег и орден Красной Звезды за мужество и героизм, проявленные при обеспечении форсирования реки Прони. И был бросок к Могилеву, который командование стимулировало, в том числе и информацией о содержании и расположении интендантских немецких складов.

И вы «взяли Могилев». Правда со складами вышла обычная в таких случаях неувязка. Сразу после штурма комендант гарнизона получил приказ обеспечить их охрану. А конфликт с комендантской ротой разрешился с присущей славянской ментальностью простотой. Комендант приказал своим подчиненным «не видеть» того, что вешалось в вещмешок. И ты все время вспоминал сделанный с немецкой аккуратностью ядичек с шоколадом, легко разместившийся у тебя за спиной и долго служивший во время наступления дополнением к пайку, а точнее к его отсутствию, поскольку кухня часто не успевала за продвигающимися вперед частями.

А затем были другие реки тогдашней Белоруссии: Березина и Неман и второй орден – Отечественной войны, и снова работа, в которой как обычно при наступлении все больший удельный вес стало занимать разминирование... и ошибки, и случайности, от которых не застрахованы саперы.

Вдв Белостоком не минула сия чаша и тебя. Взрыв, удар о землю и первая мысль: «Может обошлось...». Ведь был у тебя во взводе курьезный случай, когда рядовой Раджапов наступил на мину и не только остался жив, но и не пострадал даже, если на считать разорванного английского ботинка, которые он выменял